

Солнечный свет, пробиваясь сквозь густую листву, затопил покои Терема Водного Духа в Поместье Заоблачных Высей. На ложе, купаясь в золотистых лучах, безмятежно спал юноша, прекрасный и неземной, точно сошедший с небес небожитель. Иссиня-черные волосы шелковистыми волнами рассыпались по подушке, прикрывая изящные, полуобнаженные плечи. Он недовольно поджал губы, потер глаза тонковатыми пальцами и, сладко потянувшись, начал просыпаться.

— Ле-ле... У-у-у, Ле-ле-е!

Едва раскрыв глаза, юноша отбросил расшитое одеяло и залился громкими слезами.

Слыша этот плач, управляющий Мо от неожиданности чуть не выронил то, что держал в руках, и со всех ног бросился к Терему Водного Духа.

— Ох, беда-беда! Пресвятые предки, да что же опять стряслось, мой маленький господин?!

Судя по вздохам управляющего, подобные утренние концерты происходили здесь изо дня в день. Мо Шуй шмыгнул носом, обиженно всхлипнул и, бросив на старика исполненный укора взгляд, запричитал еще пуще:

— У-у-у... А где мой Ле-ле? Куда делся Ле-ле?!

Старик отер пот со лба, не зная, смеяться ему или плакать. Ах, с тех пор как старый хозяин «заболел», утренний ритуал повторялся с точностью до мелочей.

— Хозяин, господин Мо, успокойтесь! Молодой господин сейчас у себя, в Тереме Ледяной Стужи!

Едва услышав эти слова, Мо Шуй даже не дослушал. Скинув остатки сна, он сбежал с кровати и, сверкая босыми пятками, рванул прямо к выходу.

В мгновение ока юноша испарился. Управляющий Мо с причитаниями подхватил оставшиеся у кровати белые сапожки и припустил во весь опор:

— Хозяин! Постойте, не бегите так быстро! Молодой господин никуда не денется, он ждет вас! Да обуйтесь же вы, наступите на холодное!..

Куда там! Встревоженный Мо Шуй и не думал останавливаться: он мчался по галереям, всхлипывая от мнимой обиды. Незнающий человек решил бы, что кто-то жестоко обидел властелина Поместья Заоблачных Высей! А управляющий бежал вслед за ним, покрываясь холодным потом. Если молодой господин увидит, что его драгоценный отец бежит по поместью босиком... Вспомнив ледяной, невыносимый взгляд Мо Ле, старик судорожно вздрогнул. От одной мысли об этой тысячелетней глыбе льда кровь стыла в жилах! Нужно догнать!

Терем Ледяной Стужи.

— Ле-ле! У-у-у, Ле-ле-е!..

Завидев в главном зале статного красавца, полулежавшего в кресле, Мо Шуй без раздумий с разбега запрыгнул к нему на колени.

Мо Ле отложил медицинский трактат. Сдвинув брови, он бросил взгляд на нежные, запятнанные пылью босые ступни своего сокровища и уже собрался было сделать строгое замечание, как юноша в его руках зашептал, захлебываясь слезами:

— У-у-у, Ле-ле, ну за что ты бросил папочку?.. Я проснулся, а тебя нет! Я уж решил, что тебя украли какие-то злодеи... Ну разве можно быть таким негодником? Пусть папочка потерял память, но я же наверняка учил тебя в детстве, что нужно чтить старших! А ты... Посмотри на себя, ты совсем перестал заботиться о папе!

При этих словах у Мо Ле едва заметно дернулась жилка на виске. А «папочка» в его объятиях продолжал наглаживать его плечи, неустанно причитая.

Мо Ле беспомощно вздохнул, разглядывая прижавшегося к нему юношу. Хотя Мо Шую и перевалило за тридцать, смотрелся он совсем мальчишкой, лет пятнадцати-шестнадцати от роду. Он капризно оттопырил розовые губы, перечисляя «грехи» своего воспитанника.

Каждое утро после несчастного случая начиналось именно с этого представления. Мо Ле, конечно, был совсем не против того, что возлюбленный прижимался к нему всем телом, но если тот сорвет голос от слез, сердце сожмется от боли.

— Ну-ну, тише, — успокаивающе проговорил Мо Ле, нежно погладив его по спине. — Я ведь здесь.

Однако столь сдержанное утешение не удовлетворило Мо Шую. Всклипнув, он уместился на коленях мужчины еще удобнее.

"Эх, в объятиях Ле-ле так уютно и тепло! Но какой же он вредный — никогда не соглашается спать со мной вместе! Хм... Странно. Я же точно помню, что засыпал у него в Тереме Ледяной Стужи, а проснулся опять в своей спальне. Негодник! Наверняка дождался, пока я засну, и унес меня к себе! Ну точно! Старик-управляющий говорил, что когда я сплю, я самый послушный — делаю всё, что Ле-ле прикажет..."

— Точно-точно! Вредный Ле-ле, обижаешь маленьких! — невпопад выпалил Мо Шуй, случайно озвучив свои глубокие размышления.

Стоявшая неподалеку служанка по прозвищу Османтусовый Коржик при слове «маленький»

едва не уронила поднос. Впрочем, Мо Шуй даже не заметил ее замешательства — он лишь кокетливо изогнул изящные брови.

Глядя на сменяющие друг друга эмоции на милом лице, Мо Ле не выдержал. Наклонившись, он накрыл своими губами этот неутомимый, болтающий без остановки ротик.

В тот же миг в зале воцарилась тишина.

Служанки давно привыкли к подобным зрелищам и лишь скромно опускали глаза. Пострадал только несчастный управляющий Мо: прибежав со всех ног и застыв в дверях с белыми сапожками в руках, он буквально лишился дара речи.

О небеса, какая бесстыдщина! С тех пор как хозяин потерял память, изменился не только его характер, но и пристрастия. Прежде он был чист и непорочен, а теперь на старости лет увлекся поцелуями с собственным сыном!

Тяжелый, отчаянный вздох старика прервал эту сладкую сцену. Мо Ле мельком бросил взгляд на управляющего, и тому показалось, будто июльский зной мгновенно сменился лютым январским морозом.

— Мо-молодой господин... Это... это... — заикаясь, пролепетал старик.

— Ой, дядюшка управляющий! А почему мои сапожки у тебя в руках? — хлопая пышными ресницами, наивно поинтересовался Мо Шуй, совершенно забыв, как сам удрал из спальни.

— Э-э... Так я ведь... Хозяин, я же бежал за вами, чтобы вы обулись!

Пот на лбу управляющего выступал всё обильнее, а в груди становилось всё холоднее.

— Вот как? — ровным, ледяным тоном отозвался Мо Ле. — Значит, вы знали, что здоровье Сяо Шуй слабое, и все равно позволили ему бежать по холодному полу?

От этой небрежной, но давящей интонации старик чуть не обомлел.

— Молодой господин, я...

К счастью для него, раздался спасительный голос Мо Шуя, мгновенно отвлекший внимание юного владыки:

— Хм! Ле-ле только с дядюшкой и разговаривает, а на папочку ему совсем плевать... Ну и ладно! У-у-у...

Видя, что слезы готовы хлынуть с новой силой, Мо Ле забрал из рук обомлевшего старика сапожки. Управляющий, не теряя ни мгновения, прошмыгнул за дверь и испарился, словно его и не было.

Мо Ле опустился на одно колено и осторожно надел обувь на аккуратные ножки юноши. Мо Шуй поджал пальчики и довольненько заулыбался. Хе-хе, он ведь совсем не глупый! Зачем ему помощь какого-то управляющего, когда сам Ле-ле обувает его?

— Ле-ле, пошли завтракать! — весело заявил Мо Шуй, когда дело было сделано.

Впрочем, тут же спохватился, пококетничал, покрутился в объятиях и прижал алые щеки к груди мужчины:

— Ой, Ле-ле... Мы кое-что забыли...

— Забыли? — Мо Ле вопросительно изогнул бровь, с трудом сдерживая улыбку.

— Ну да! — Мо Шуй застенчиво покрутил пальчиком. — Твое самое главное дело! Ты же еще не подарил мне утренний поцелуй!

Ледяная маска на лице Мо Ле растаяла. Нежно обняв возлюбленного, он с глубоким трепетом накрыл его губы теплым поцелуем.

Стоявшая неподалеку Османтусовый Коржик покраснела до кончиков ушей. Каждое утро одно и то же! Ну разве можно быть настолько прекрасными? Глядя на двух ослепительных мужчин, она чувствовала, что еще немного — и у нее носом пойдет кровь от умиления. Лишь рядом с хозяином молодой господин становился таким невероятно мягким и заботливым. Поскорее бы господин Мо пришел в себя... Хотя, вспоминая, каков хозяин, когда к нему возвращается рассудок, служанка мысленно вздохнула: да уж, молодому господину предстоит еще долгий и трудный путь.

Поднявшись, Мо Ле подхватил юношу на руки. Темно-черные одежды мужчины, его высокий и статный силуэт контрастировали с белоснежными одеяниями Мо Шуя, создавая удивительно гармоничный, исполненный чистой красоты образ.

— Я сразу предупреждаю: лекарственную трапезу я есть не буду! — по-детски заупрямился Мо Шуй, обнимая его за шею. — Я же не болен! Зачем мне каждое утро пить эти горькие отвары? Ле-ле, ну будь хорошим, не заставляй папочку есть лекарства вместо завтрака!

— Это лекарственная трапеза, целебная трапеза, а не лекарство, — терпеливо возразил Мо Ле.

— Не хочу и не буду! Все равно там плавают всякие корешки, они невкусные!

— Шуй-шуй, твоему организму нужно восстановление. Без лекарственной трапезы не обойтись.

— У-у-у, вредный Ле-ле! — раскричался Мо Шуй. — Не дает папе ни османтусовых коржиков, ни курицу в кунжутном масле, ни рыбу «Сосновая хвоя»! Только суп с травами заставляет глушить! Неуважение к старшим, самое настоящее нечестие!..

Пропустив капризы мимо ушей, Мо Ле уверенным шагом направился в столовую.

Поняв, что обычные жалобы не работают, Мо Шуй решил сменить тактику. Он заерзал на руках мужчины и, схватившись за голову, жалобно застонал:

— Ой, Ле-ле, что-то у меня голова разболелась... Ой-ой-ой, как больно! Нет, я точно не смогу есть! Помочь может только одно: если Ле-ле отведет папу в Терем Хмельного Золота и разрешит съесть там нормальный завтрак!..

— Раз болит голова — тем более нужно съесть целебный отвар, — раздался над его ухом сухой, непреклонный голос.

Мо Шуй сжался. Кто это сказал? Точно не его Ле-ле! Его Ле-ле такой добрый, он бы ни за что не стал морить любимого папочку горькой дрянью!

— Это не обсуждается, — отрегулировал тон Мо Ле, строгим взглядом прижимая к себе упрянца. — Не съешь лекарственную трапезу — целый месяц не увидишь ни одного сладостного пирожного.

При этих словах Мо Шуй насупился, но спорить больше не решился.

Глядя на сдувшегося капризулю, Мо Ле невольно вспомнил ту страшную ночь три года назад. Тогда, в столице, он несколько суток подряд не смыкал глаз, буквально вырывая жизнь Мо Шуя из лап Повелителя Мертвых с помощью редчайших снадобий и акупунктуры. Если бы не те отчаянные усилия, перед ним сейчас не было бы этого живого, взбалмошного и такого родного человека.

Глаза Мо Ле на мгновение блеснули опасным, ледяным блеском. Если кто-то еще хоть раз посмеет поднять руку на его сокровище, он заставит этого подлеца пожалеть о том, что тот вообще появился на свет.